

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Iss. 2, pp. 294–314, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-294-314

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.3

UDC 811.512.3

Редупликация и / или парные слова в монгольских языках: дискуссия к вопросу о статусе (краткий обзор)

Гунсэма Нимбуевна Чимитдоржиева¹

Reduplication and / or Paired Words in Mongolian Languages: Discussion on the Status Issue (a Brief Overview)

Gunsema N. Chimitdorzhieva¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-3309-4280. E-mail: [ch.gunsema\[at\]gmail.com](mailto:ch.gunsema[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Чимитдоржиева Г. Н., 2025

© Chimitdorzhieva G. N., 2025

Аннотация. Цель исследования — теоретико-аналитический обзор научных работ по монгольским языкам, в которых прямо или косвенно рассматривается редупликация. При изучении редупликации в монгольской лингвистике особое внимание в контексте дискуссии отведено вопросу: рассматривать ли редуплицированные формы как парные слова. В ходе выполнения обзора решаются следующие задачи: изучить труды монголоведов-лингвистов, посвященные редупликации и парным словам, и изложить их основные положения; при обобщении и систематизации знаний о редупликации выявить и описать некоторые характерные особенности их анализа совместно с парными словами. *Материалом* для исследования послужил корпус лингвистических работ отечественных и зарубежных монголоведов по лексике, словообразованию, парным

Abstract. The *purpose* of the study is a theoretical and analytical review of scientific works on Mongolian languages, which directly or indirectly consider reduplication. Special attention is paid in the context of the discussion whether to consider reduplicated forms as paired words in the study of the reduplication in Mongolian linguistics. During the review, the following *tasks* are being solved: to study the works of linguists researching the Mongolian languages devoted to reduplication and paired words, and to present their main points; when generalizing and systematizing knowledge about reduplication, to identify and describe some of the characteristic features of their consideration together with paired words. *Materials.* The research is based on the study of a corpus of linguistic works on vocabulary, word formation, paired words and reduplication in Mongolian languages written by domestic and

словам и редупликации в монгольских языках. В соответствии с поставленными задачами были использованы следующие *методы* исследования: описательный и сопоставительный методы, методы анализа, синтеза и обобщения. Структурировать, сделать информацию более четкой и понятной для усвоения помог первичный анализ материала. Метод анализа и синтеза применялся для выделения основных тезисов исследуемых публикаций, определения их общего научного направления и дальнейшего объединения в рамках сходных идей с помощью метода обобщения. *Результаты.* В работе обобщена информация о монгольской редупликации и представлены основные мотивы определения статуса редуplikаций в рамках освещения смежных / схожих релевантных явлений. Материал статьи демонстрирует противоречивые взгляды на развитие научных знаний о повторе (удвоении, редупликации) в монгольских языках: повтор относится к парным словам либо является способом образования парных слов, либо же является самостоятельным языковым явлением, отличным от парных слов. Формально-структурное сходство удвоенных форм и парных слов не только способствовало их совместному рассмотрению, но и привело к спорам и запутанности при определении статуса того или иного слова. Для их дифференциации исследователями предлагается функционально-семантический подход и дается заключение о том, что повтору характерно выражение грамматического значения, а особенностью парных слов является выражение лексического значения слова. Редупликация же как повтор одного и того же слова (или основы) является одной из наиболее распространенных моделей отражения количественных характеристик и усиления значений. Результаты обзора и анализа научных работ являются необходимым основанием для проведения комплексного описания рассматриваемого языкового явления в монгольских языках.

Ключевые слова: редупликация, удвоение, повтор, парные слова, рифмованные сочетания, языковой механизм, морфология, монгольские языки, бурятский язык, калмыцкий язык

foreign Mongolian scholars. In accordance with the purpose, the following research *methods* were being used: descriptive and comparative methods, methods of analysis, synthesis and generalization. The primary analysis of the material helped to structure and make the information clearer and more understandable for assimilation. The methods of the analysis and synthesis were being used to note the main theses of the publications under study, determine their general scientific direction and further unification within the framework of similar ideas using the generalization method. *Results.* The work summarizes information about Mongolian reduplication and presents the main motives for determining reduplications in the context of presenting related/similar relevant phenomena. The *material* of the article demonstrates contradictory views on the development of scientific knowledge about repetition (doubling, reduplication) in Mongolian languages: repetition refers to paired words or is a way of forming paired words, or is an independent linguistic phenomenon different from paired words. Formal and structural similarity of doubled forms and paired words contributed not only to their joint consideration, but also led to disputes and confusion in determining the status of a particular word. To differentiate them, researchers propose a functional-semantic approach and conclude that repetition is characterized by the expression of grammatical meaning, and the peculiarity of paired words is the expression of the lexical meaning of the word. Reduplication as a repetition of the same word (or base) is one of the most common models for reflecting quantitative characteristics and enhancing meanings. The results of the review and analysis of scientific works are a necessary basis for a comprehensive description of the linguistic phenomenon under consideration in Mongolian languages.

Keywords: reduplication, doubling, paired words, rhymed combinations, language mechanism, morphology, Mongolian languages, Buryat language, Kalmyk language

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности» (№ 121031000258-9).

Для цитирования: Чимитдоржиева Г. Н. Редупликация и / или парные слова в монгольских языках: дискуссия к вопросу о статусе (краткий обзор) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 294–314. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-294-314

Acknowledgements. The article was carried out within the state assignment project “The Human World in the Mongolian Languages: Analysis of the Means of Expressing Emotiveness” (No. 121031000258-9).

For citation: Chimitdorzhieva G.N. Reduplication and / or Paired Words in Mongolian Languages: Discussion on the Status Issue (a Brief Overview). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 294–314. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-294-314

1. Введение

Редупликация в монгольских языках до настоящего времени не была предметом системного изучения и до сих пор остается не исследованным в теоретическом и эмпирическом планах языковым феноменом. Отрывочные и разрозненные сведения о редулицированных формах в монгольских языках свидетельствуют об отношении исследователей к данному языковому механизму как к простому, очевидному способу слово- и формообразования, что даже не возникал и вопрос о проведении теоретических изысканий. В монгольском языкознании обнаруживаются попытки лишь формального объяснения структурных и семантических особенностей удвоенных форм в незначительном количестве работ, и еще меньше научных трудов, объясняющих, что представляет собой редупликация, как и по каким законам эти формы устроены. Эта тенденция общая в лингвистике, по крайней мере, таковой оставалась она до второй половины XX в., когда вопросы редупликации стали объектом более пристального внимания [Алиева 1980: 3; Рожанский 2011: 11]. История изучения редупликации в разных языках это подтверждает, хотя полагаем, что такая ситуация, возможно, еще сохраняется в некоторых других языках.

Изучение редупликации как объекта лингвистического исследования является перспективным направлением современного монгольского языкознания. Данная статья посвящена проблеме изучения редупликации в монгольском языкознании в контексте соотношения с понятием «парные слова», а именно — с рифмованными парными словами. На основании корпуса лингвистических исследований по редупликации и парным словам в монгольских языках представлена история их совместного изучения. Общим в строении этих понятий является то, что они состоят из двух рифмованных компонентов. Существуют, по крайней мере, два противоположных взгляда на природу парных и редулицированных слов со структурной точки зрения: 1) формы удвоенных слов относятся к парным словам; 2) удвоенные и парные слова являются разными языковыми явлениями. Можно сказать, что теория редупликации в своем генезисе в какой-то степени вызревала и внутри исследований парных слов. Лишь десяток научных работ упорядочивают некоторые положения теории редупликации и определяют некие алгоритмы его исследования. В статье дана история этих взглядов, обзор которых обнаруживает наличие неоднозначной позиции по этой проблематике. Необходимость в обобщении и анализе существующих подходов к описанию и осмыслению слов, которые состоят из двух компонентов (в особенности, объединенных рифмой), и дальнейшей выработки концептуального подхода

к изучению и пониманию сути редупликации предопределила актуальность изложения истории изучения для понимания общей картины достижений монгольского языкознания в этом вопросе.

Целью исследования является представление имеющихся взглядов о статусе редупликации как языкового механизма в монгольских языках.

2. Материалы и методы исследования

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной отечественными и зарубежными научными работами монголоведов, хронологические рамки которых охватывают период с 1941 г. по 2024 г. При сборе материала использовались традиционные методы первичного лингвистического наблюдения, сопоставления. Они позволили выделить общие исследуемые параметры и векторы в проанализированном материале, на основе которых приведены разнообразные аспекты, обобщенные в данном обзоре. Для осмысления эволюции научных взглядов на проблему редупликаций и рифмованных парных слов, для обоснования проблемы и его конкретизации в статье применяются следующие методы исследования: описательный и сопоставительный методы; методы анализа, синтеза и обобщения результатов исследований отечественных и зарубежных монголоведов.

3. Результаты

3.1. Редупликация как парное слово

Традиционным является рассмотрение удвоенных форм при описании парных слов. Чтобы выявить общие и характерные особенности, ученые принимали попытки рассмотреть схожие явления: [Бертагаев 1941: 17–23; Бертагаев 1961; Бертагаев 1969: 26–27; Бертагаев 1971: 13–61; Bese 1957; Bese 1960; Орловская 1961: 43–45; Дарбеева 1963; Дондуков 1963; Дондуков, Данчинова 1968; Биткеева, Биткеев 1985; Базаррагчаа 1990; Омакаева, Бадгаев 1990; Норжинлхам 1999; Дырхеева и др. 2014]. Основной причиной этого сближения является внешнее формальное сходство. Парные сочетания и редупликация обнаруживают тесную взаимосвязь. В особенности фонетическая и просодическая схожесть очевидна в рифмованных парных словах и неточной редупликации, что объединяет их в понятие рифмованных сочетаний. Эти закономерности позволяют рассматривать удвоенные формы как парные слова или наоборот. По этой причине в этих работах обнаруживаются путаница и достаточное число разногласий, несмотря на кажущуюся простоту феномена. В некоторых работах отсутствие дифференцированного изучения парных слов и удвоенных форм привело к тому, что разные языковые явления рассматриваются как одно явление, с другой стороны, одни и те же примеры оказываются причисленными либо к парным словам, либо к удвоению в зависимости от подхода исследователя. И все же все эти исследования, несомненно, вносят свой определенный вклад в изучение сложных и спорных вопросов и способствуют проявлению общей картины природы редупликации в теоретическом плане.

Довольно интересный и более широкий взгляд на проблему парных и удвоенных слов представлен в работах Т. А. Бертагаева [Бертагаев 1941; Бертагаев 1961; Бертагаев 1969; Бертагаев 1971], в которых он акцентирует несколько важных и интересных теоретических моментов.

1. Повторы основ относятся к парным словам (биномам), которые являются, по его определению, единством двух морфологически и семантически однородных компонентов, образованных на основе сочинительной связи. Биномы составляются из основных знаменательных частей речи, а также из формализованных элементов, из основного компонента, являющегося морфологическим и фонетическим вариантом, и несут лексико-семантическую и лингвостилистическую функцию [Бертагаев 1941: 18; Бертагаев 1971: 11, 20]. В монгольских биномах повторяющийся, второй, компонент напоминает словообразовательную морфему [Бертагаев 1971: 60].

2. Т. А. Бертагаев отмечает аморфность и синтетичность компонентов парных слов, т. е. обращает внимание на особенности морфологических и синтаксических отношений между ними [Бертагаев 1941: 13, 34].

3. При анализе структурного разнообразия парных слов особый интерес у исследователя, как и у большинства тех, кто изучает эту тему, вызывают фонетически видоизмененные варианты знаменательного компонента (*заа зуухан* ‘немного, чуть’, *углуу суглуу* ‘угол и прочее’, *күүрсэ мүүрсэ* ‘курсы и прочее’, *бэшэг ташаг* ‘грамота и прочее’, *хармаан жэрмээн* ‘карман и прочее’ и др.) и случаи, когда оба компонента в паре являются формализованными и ни один из них не имеет какого-либо значения (*ан бун* ‘в спокойствии, тихо, смиренно, безмятежно’, *бүүр түүр* ‘еле-еле, едва-едва, крайне смутно’, *гунхар ганхар* ‘(идти) раскачивая голову’, *халья балая* ‘кое-как, небрежно, как попало (делать)’, *шалья балая* ‘кое-как, небрежно (делать)’, *татар тутар* ‘слегка заика, недоговаривать, вступать в небольшие, но гневные пререкания’ и др.) [Бертагаев 1971: 25–31, 41–44]. При этом пары с одним формализованным компонентом ученый относит к составным словам (монг. *хатар матар* ‘танцы, пляски’, *бага сага* ‘понемногу, помаленьку’, *бэлэг сэлэг* ‘подарки, гостинцы’ и др.), с обоими формализованными компонентами — к сложным словам (монг., бур. *ана мана* ‘примерно, одинаковый, ровный’, *ундуй сундуй* ‘растерянно, суетливо’, бур. *хали боли* ‘кое-как, крайне небрежно (делать)’ и др.) [Бертагаев 1971: 57–60].

4. Для выражения морфологических категорий может применяться повтор основы, так называемая редупликация, который может быть частичным (повтор части основы: *уб улаан* ‘совсем красный’, *бара барбагар* ‘совсем лохматый’) и полным (повтор слова в целом или в иных его грамматических разновидностях: *үе үе* ‘иногда’, *аама аама (гэхэ)* ‘время от времени открывать’ (например, рот), *яба ябааар ябаба* ‘шел упорно, напролом, без остановок’, бур. *арай арайхан* ‘едва-едва, еле-еле’) [Бертагаев 1961: 17; Бертагаев 1971: 20–22]. При этом ученый отмечает, что примеры частичного повтора напоминают префиксы: 1) односложного корня слова (корни-редупликатy): монг. *тэв тэвхэр* ‘квадратный-преквдратный’, бур. *ара арнагар* ‘пренесуразный; курносый-прекурносый’ и т. д.; 2) начального открытого слога слова с добавленным к нему согласным (слоги-редупликатy): *саб сагаан* ‘сверхбелый, очень белый’, *ув улаан* ‘краснейший, совсем красный’, *шав шар* ‘желтейший, совсем желтый’, *эв эрээн* ‘сверхбелый, очень белый’, *аб алаг* ‘препегий’ и т. д. [Бертагаев 1961: 22, 26–27; Бертагаев 1969: 26–27].

5. Рассматривая грамматические особенности повторов, Т. А. Бертагаев отмечает и некоторые значения: совокупность предметов, относящихся к одной категории (*сай май* означает ‘чай и тому подобное’); множественность предметов

(*хада хада газар* ‘горные местности’; иронический, пренебрежительный оттенок (*Балдан малдан* ‘Балдан и прочие’, ‘некий Балдан’); усиление значений слов (*шаб шара* ‘желтый-прежелтый’, *хайн хайн* ‘самые хорошие’) [Бертагаев 1941: 18–21; Бертагаев 1969: 107; Бертагаев 1971: 41]; превосходная степень прилагательных: *цагаанаас цагаан* ‘белый, самый белый’, *модонһоо үндэр модон* ‘самое высокое дерево’; продолжительность совершения действия (*харана харана юушье харабагүй* ‘смотрел, смотрел да ничего не увидел’); различные оттенки усиления действия (*дааража дааража ерэбэ* ‘пришел, сильно замерзнув’, *яба ябаһаар ябаба* ‘продолжал идти да идти’, *унтахын ехээр унтаба* ‘спал так, как никогда не спал’) и др. [Бертагаев 1969: 107–108].

6. Повторению основ чаще всего подвергаются те слова, которые не имеют своих пар [Бертагаев 1941: 23].

7. Т. А. Бертагаев предлагает свои идеи о соотношении языка и мышления, о необходимости применения повтора в языке. «*Парные слова ни в коей мере не могут быть отнесены к примитивным явлениям языка, связанным с конкретным мышлением первобытных людей*» [Бертагаев 1941: 17]. По его мнению, также является ошибкой считать подобные слова простым механическим сочетанием, сравнивая их с химическим соединением элементов. Перечисление или повторение схожих предметов или предметов одного вида является проявлением более первичной категории мышления, что привело к формированию отвлеченных понятий и слов. В результате появилась категория собирательности и категория множественности. При перечислении и повторе подчеркивается значение слов и проявляется его аффективная сторона. Для выражения сначала собирательных, потом родовых или отвлеченных понятий люди прибегали к удвоению основы или сочетанию двух слов-понятий ввиду бедности других средств языка (суффиксов и др.) [Бертагаев 1941: 17]. Это одно из необходимых средств обогащения лексической номинации и стилистических приемов в монгольских языках [Бертагаев 1971: 60].

М. Н. Орловская рассматривает парные слова как один из способов передачи новых понятий. Среди парных слов сочинительного типа выделяет «*особый тип парных существительных, где второй компонент не имеет самостоятельного значения, а является фонетическим вариантом, словом-эхо первого компонента: дарга марга* ‘некий командир’, *захиа-махиа* ‘всякие там письма и прочее’, *ус мус* ‘вода и прочее’, *ном мом* ‘книги и прочее’» [Орловская 1961: 43–45]. Среди показателей форм интенсификации выделяет и редупликацию — удвоение первого слога имени прилагательного с наращением согласного *в*, например: *ув улаан* ‘красный-прекрасный, ярко-красный’, *нов ногоон* ‘зеленый-презеленый’, *ав ариун* ‘чистый-пречистый’ и т. д. [Орловская 1961: 95]. Изучая способы образования производных наречий в монгольском языке, исследователь дает анализ парных наречий и повторов, причем различает повтор от чисто синтаксических конструкций. Автором приводятся примеры, где путем повтора как способа аналитического словообразования возникли наречия и наречные выражения в монгольском языке (например, повтор формы слитного деепричастия от глагола *бай-* ‘быть, находиться’ образует наречие *байн байн* ‘периодически, время от времени, то и дело, часто’; удвоение существительного *үе* ‘период, эпоха, момент’ образует наречие *үе үе* ‘время от времени, периодически’ и др.) [Орловская 1974: 201–205].

Посвященная анализу парного словообразования в бурятском языке статья У.-Ж. Ш. Дондукова содержит понятие редупликации, которое рассматривается как способ образования парных существительных, где второй компонент служит усилителем значения первого, например: *арза барза* ‘молочная водка и что-нибудь вроде нее’, *арга хурга* ‘средства, возможности и что-нибудь вроде них’, *сай май* ‘чай и что-нибудь такое’, *бэлэг сэлэг* ‘подарок и что-нибудь вроде него’, *хоб хошо* ‘сплетни и тому подобное’, *хоол хошо* ‘пища и что-нибудь вроде нее’, *добо дошо* ‘холмики и что-нибудь вроде них’ [Дондуков 1963: 42–43]. Он же в соавторстве с Н. Г. Данчиновой [Дондуков, Данчинова 1968] делают краткий критический обзор работ [Bese 1957; Санжеев 1940; Бертагаев 1941; Дарбеева 1963; Дондуков 1963], посвященных парным словам в бурятском и монгольском языках. Здесь уже термин редупликация заменяется на сочетание трансформированный / видоизмененный производный повтор. Авторы статьи резюмируют, что исследователи «придерживаются примерно единого мнения, что парные слова в монгольских языках, будь они составлены из одного или двух полнозначных слов и его фонетически видоизмененного производного повтора, — составляют единую лексическую категорию, являющуюся разновидностью сложных слов, то есть парными сочинительными сложными словами. Все парные слова <...> характеризуются тем, что их компоненты являются морфологически однородными, синтаксически равноправными и семантически близкими» с наличием в них обобщенного значения [Дондуков, Данчинова 1968: 36–37].

С. Норжинлхам в диссертационном исследовании «Лексико-грамматические особенности парных слов современных монгольских языков» рассматривает способы образования парных слов (рис. 1), в том числе их образование путем простого удвоения основ [Норжинлхам 1999: 14].

3.2. Парные слова и повторы слов: разные мнения исследователей

Существуют и другие исследования, в которых доказывается, что эти группы слов отличаются и их необходимо рассматривать как отдельные языковые явления. Так, Г. С. Биткеева, П. Ц. Биткеев в статье о парных словах в монгольских языках констатируют, что «существующие характеристики и классификации парных слов нередко противоречивы, почему обычно и включают в состав парных слов и повторы, и различные сочетания слов» [Биткеева, Биткеев 1985: 5]. В работе приводятся некоторые примеры указанной выше запутанности, краткий экскурс в историю вопроса, отличительные признаки парных слов, классификация парных слов в соответствии с семантическими особенностями компонентов. На наш взгляд, важным высказыванием авторов относительно удвоения является

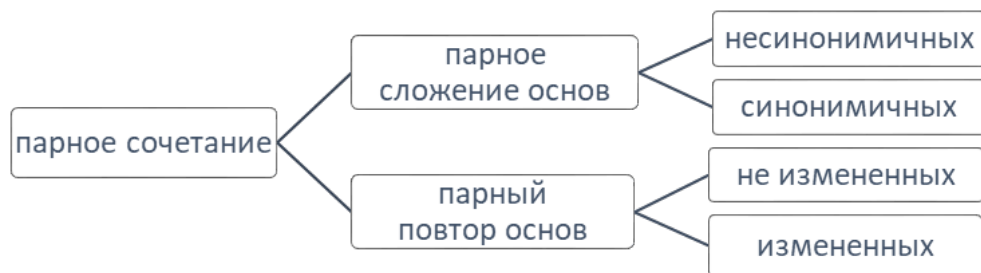

Рис. 1. Система образования парных слов в монгольском языке
[Fig. 1. The system of forming paired words in the Mongolian language]

примечание о том, что «несмотря на сходство по форме с парными словами, удвоение отличается от них и тем, что второй компонент является повтором первого, не имеет никакого другого самостоятельного значения и не образует нового понятия, а выражает лишь неопределенное множество и в этом отношении значительно ближе к функциям суффиксов множественного числа, а иногда тождественно с ними» [Биткеева, Биткеев 1985: 5–6].

М. Базаррагчаа пишет, что «...сложно различать повторы от парных слов. Повтор с немного измененным корнем наподобие *эрээн мэрээн*¹, *үхэр мүхэр*², *цав цагаан*³, *хав хар*⁴, *яв явсаар*⁵, *гэр гэртээ*⁶ и т. д. выражает растянутое значение слова, продолжение действия, кратность, интенсивность, дробность и другие грамматические абстрактные значения. *Бага сага*⁷, *ач тач*⁸, *эрээн мяраан*⁹, *хага хуга*¹⁰, *хальт хульт*¹¹, *арай чарай*¹², *шалдар булдар*¹³, *илүү булуу*¹⁴, *пүл пал*¹⁵, *үүр цүүр*¹⁶, *ахих дахих*¹⁷, *эрвийх сэрвийх*¹⁸, *урвах хөрвөх*¹⁹ и др. парные слова, образованные как будто повтором, отличаются от приведенных выше повторов тем, что они несвободны и устойчивы <...> Если смотреть с этой точки зрения, то особенностью повтора является выражение грамматического значения, а особенностью парных слов — выражение лексического значения слова» [Базаррагчаа 1990: 5–6]. Другими словами, парные слова и повтор выражают разные значения, это разные явления.

Э. У. Омакаева, Н. Б. Бадгаев в статье, посвященной парным словам и повторам в монгольском языке, поставив это в качестве основной своей задачи, предприняли попытку «показать специфику и характерные признаки парных слов современного монгольского языка с целью отграничения их от повторов, выявить разнообразные типы последних» [Омакаева, Бадгаев 1990: 163]. Они выделяют три группы парных слов в соответствии с лексико-семантическим критерием, два типа повторов в соответствии с их формально-структурными особенностями, три группы звукоподражательных повторов в зависимости от

¹ *Эрээн мэрээн* ‘пестрый и тому подобный’.

² *Үхэр мүхэр* ‘крупный рогатый скот и прочая скотина’.

³ *Цав цагаан* ‘белый-пребелый’.

⁴ *Хав хар* ‘совершенно черный’.

⁵ *Яв явсаар* ‘продолжая все идти и идти, шел и шел’.

⁶ *Гэр гэртээ* ‘по юртам, по домам’.

⁷ *Бага сага* ‘немного, кое-что’.

⁸ *Ач тач* ‘одинаково, так же; наравне’.

⁹ *Эрээн мяраан* ‘пестрый, пегий’.

¹⁰ *Хага хуга* ‘сломанный, раздробленный’.

¹¹ *Хальт хульт* ‘вскользь, чуть-чуть; небрежно’.

¹² *Арай чарай* ‘еле-еле, кое-как, с трудом’.

¹³ *Шалдар булдар* ‘торопливо, поспешно’.

¹⁴ *Илүү булуу* ‘в избытке, излишек’.

¹⁵ *Пүл пал* ‘буль-буль, невнятно’.

¹⁶ *Үүр цүүр* ‘рассвет, заря’.

¹⁷ *Ахих дахих* ‘постепенно, раз за разом’.

¹⁸ *Эрвийх сэрвийх* ‘взьерошиться, торчать’.

¹⁹ *Урвах хөрвөх* ‘поворачиваться из стороны в сторону’.

того, кем или чем издаются звуки. В результате описания всех этих групп авторы дают единственное заключение, что «*парное словообразование характеризуется равноправным включением исходных слов в новую сложную основу. К сожалению, биномы в монгольском языке не имеют четких внешних признаков, поэтому мы вынуждены опираться на внутренний семантический признак, чтобы отличить парные слова от сходных явлений (однородных членов, сочетаний слов, повторов)*» [Омакаева, Бадгаев 1990: 165–166].

Удвоения / повторы основ рассматриваются как синтаксическое средство для выражения различных видов категории множественности (монг. *шинэ шинэ байшин* ‘новые дома’, калм. *гер герт* ‘в домах’, *дегтр-мегтр* ‘книга и тому подобное’), усиления качества (калм. *хурдн-хурдн* ‘очень быстрый, быстрый-быстрый’, монг. *ихээс их* ‘самый большой’, бур. *хайнай хайн* ‘лучший из лучших’, калм. *цеб цеңкр* ‘самый голубой’) и для оформления разделительных числительных (калм. *хошад-хошадар* ‘по два’, бур. *таба-табаар* ‘по пяти’, монг. *тав таван* ‘по пять’) в работах Е. А. Кузьменкова [Кузьменков 1989: 66], С. М. Трофимовой [Трофимова 2001: 63, 74, 250–251, 265–266]. В. И. Рассадин рассматривает редупликацию в разделе неаффиксальное словообразование (как основосложение) и полагает, что это лексико-синтаксический способ образования новых слов, при котором происходит лексикализация различных синтаксических словосочетаний и конструкций [Рассадин 2008: 217–218]. Д. Ш. Харанутова, Д. А. Сусеева, Ц. Унурбаян в монографии «Монгольское словообразование: структура и способы» показывают редупликацию на примере калмыцкого языка как способ словообразования путем повтора одного и того же слова (или основы) [Харанутова и др. 2012: 182–184].

Описание изобразительных слов также не обходится без упоминания о повторе основ [Цыдендамбаев 1958; Шагдаров 1962; Шагдаров 2013; Дондуков 1964].

Ц. Б. Цыдендамбаев анализирует первичные (*арба-арба* ‘в растопыренном, расставленном виде (шевелиться, мелькать)’) и вторичные (*арбаг-арбаг* / *арбага-арбага* ‘про размашистое движение чего-либо растопыренного, расставленного или развилостого’) основы образных слов, которые активно бытуют в живом разговорном языке в виде повторов, удвоений. Не менее активно применяются структурно схожие с удвоенными формами и парные образные слова (*аниг-ониг* ‘о мигании глаз’, *маяг-таяг* ‘о походке хромого’, *хэлтэр-ялтар* ‘о походке хромого на обе ноги’), в которых чередование звуков как смена одного звукового явления другим играет роль словообразующего средства, способствующего образованию синонимических рядов наряду с повторами. Под редупликацией исследователь понимает такие сочетания, как *ара арбагар* при образовании прилагательных от образных слов [Цыдендамбаев 1958: 136–151].

У.-Ж. Ш. Дондуков при рассмотрении глаголообразования при помощи аффиксов указывает на роль удвоенных форм звукоподражательных и образных слов: *бабанаха* ‘блеять и одновременно трясти головой (о козах)’ > *ба-ба* (о блеянии козла), *шошогонохо* ‘булькать (о жидкости)’ > *шошого-шошого* (о булькании, журчании) > *шол-шол* ‘буль-буль, кап-кап (о булькании, падении капель)’ и т. д. [Дондуков 1964: 134–141].

Л. Д. Шагдаров считает удвоение корня грамматическим приемом, используемым в звукоподражательных и образных словах, и рассматривает структуру и семантику односложных и двусложных повторов [Шагдаров 1962: 66–70,

99–100]. В другой своей работе, посвященной проблемам академической грамматики бурятского языка, исследователь рассматривает парные (*шууяса шааяса* ‘с шумом-грохотом’, *нүл-пал дуугарха* ‘говорить невнятно’) и удвоенные основы (*мэл-мэл (дуһалха)* ‘крупными каплями (падать)’, *бур-бурхан (утаан гарана)* ‘клубиться (небольшой дымок)’) изобразительных слов. Отмечает, что в большинстве случаев удвоенные изобразительные слова употребляются в сопровождении служебного глагола *гэхэ* ‘говорить, произносить’, с помощью которого они становятся глаголами и вводятся в речь: *Хандын хэрэлсы уруугаа буужа ябаха абяан таб-таб гэжэ хэды-еды дуулдаад...* (Х. Н.) ‘Топ-топ! — слышалось несколько раз, как Ханда спускалась по крыльцу’ [Шагдаров 2013: 151–152].

В этой же работе исследователь Л. Д. Шагдаров различает сложение разных основ (парные слова), редупликацию и различные виды повтора основы, при этом повтор и удвоенная основа выступают синонимами. Первый слог прилагательных с наращением губного *б* или слога *-ра* отмечается как редупликация в словах типа *саб сагаан* ‘белый-пребелый’, *тэрэ тэбхэр* ‘совершенно квадратный’, автор называет их редупликационными формами [Шагдаров 2013: 127]. По мнению Л. Д. Шагдарова, повтор (удвоение) основы является одним из видов основосложения [Шагдаров 2013: 152]. Повтор может наблюдаться в виде полного повтора основы и в виде повтора основы с изменением компонентов [Шагдаров 2013: 127, 151–155, 167]. В работе также отмечается правописание удвоенной основы с дефисом в литературном бурятском языке [Шагдаров 2013: 142].

Подход авторов монографии «Парные слова и парное словообразование в бурятском языке» Г. А. Дырхеевой, Д. Ш. Харанутовой, Е. А. Бардамовой к редупликации содержится в предисловии работы. По их мнению, точка зрения о том, что многими исследователями редупликация рассматривается совместно с парными словами, «*противоречит самому основанию классификации: семантика таких бинарных образований, как редупликаты, не позволяет рассматривать их с парными словами, где сочетаются форма и семантика двух самостоятельных слов, соотносимых с отдельными словами языка*» [Дырхеева и др. 2014: 6–7].

Однако, судя по содержанию глав, не все придерживаются этой отправной позиции. В первой главе имеется примечание, что слова типа *саахар маахар* не рассматриваются как парные [Дырхеева и др. 2014: 49], а в словах, где второй компонент напоминает фонетический повтор первого компонента, типа *аза база* ‘родственники’, *арза барза* ‘молочная водка и подобные молочные изделия’, *юумэ хүүмэ* ‘всякие вещи, множество всяких вещей’, *ан зан* ‘нравы, обычаи’, *ан бун* ‘в спокойствии, в безмятежном состоянии’, *буу шуу* ‘ружье и прочие виды оружия’, *дуу шуун* ‘крики, шум’, *уурал хаарал* ‘пары’, *уруу дуруу* ‘быть в мрачном состоянии’, *элбэг дэлбэг* ‘щедро, обильно’ и др., автор главы Г. А. Дырхеева считает, что вторые компоненты либо подчиняются значению первого компонента, утратив свое лексическое значение в данном сочетании, либо относятся к историческому прошлому, которые имели когда-то свое собственное значение. И потому нет достаточного основания считать их повторами [Дырхеева и др. 2014: 50–52]. Автором приводятся примеры парных слов с двумя незначимыми компонентами, которые употребляются только в паре, и также по структуре выглядящие как фонетический повтор, например: *эди шэди* ‘способность творить чудеса, магическая сила’, *һүй һай* ‘переполох, суета’, *һэр мэр* ‘настороженность’,

үбдэл сүбдэл ‘остатки, крошки’, хаа яа ‘изредка, кое-когда, кое-где’, шулга нюлга ‘разодранный в кровь’, үг маг ‘невнятно, нехотя’, тал мул ‘неясно’, абта жэбтэ ‘с шумом, с треском’, арыса сарыса ‘совсем, совершенно’, арха барха ‘огромный, большой, нагроможденный’, эрбэ шэрбэ ‘редкий, колючий’, уюу һуюу ‘редкий (о зубах), маляан таляан ‘нечто гладко, ровное, обширное’, онсо сонсо ‘нечто кучное’ и др. Оба компонента в таких парных сочетаниях представляют собой усеченные формы слов, имеющих свое значение [Дырхеева и др. 2014: 53–54].

Во второй и четвертой главах этой монографии редулицированные формы не привлекаются к анализу, в них рассматриваются соответственно словообразование парных слов и их функционирование в художественных произведениях бурятских писателей. В третьей же главе многие удвоенные формы называются парными словами, однако имеется примечание о том, что «одной из наиболее распространенных моделей отражения количественных характеристик является редулициация», с помощью которой формируется значение множественности [Дырхеева и др. 2014: 115].

Основной и важный вывод как итог исследования парных слов и парного словообразования в бурятском языке заключается в предположении, что парные слова являются дальнейшим развитием повторения корня или основы слова, авторы предлагают следующую динамику их развития: «полный повтор (хүн хүн) → частичный повтор (хүн мун) → парное сложное слово (хүн зон, хүн амитан)» [Дырхеева и др. 2014: 152–153].

3.3. Исследование редулициаций

Как мы уже отмечали, список научных работ, где объектом исследования являются редулицированные единицы и повторы, содержит менее десяти наименований. Исследования редулициации — одного из древнейших и продуктивных способов словообразования в монгольских языках — представлены в научных публикациях [Ринчен 2015; Bese 1957; Bese 1960; Шевернина 1974; Бямбасан 1978; Омакаева, Бадгаев 1990; Пүрэв-Очир 1998; Өнөрбаян 2006; Бат-Ирээдүй 2013а; Бат-Ирээдүй 2013б]. В отечественном монголоведении первой специальной научной работой, посвященной редулициации в одном из монгольских языков, является статья А. А. Дарбеевой «Повторы и удвоения в бурятском языке» [Дарбеева 1969]. Подробный анализ трудов, посвященных парным словам и некоторым видам повторов, дан в монографии «Парные слова и парное словообразование в бурятском языке» [Дырхеева и др. 2014].

Несмотря на то что материал перечисленных работ демонстрирует разные взгляды на природу редулициации, повторов, выделим некоторые общие и специфичные утверждения. Среди общих взглядов важным является мнение большинства о том, что парные и редулицированные слова — это разные языковые явления. Помимо этого, редулициация (удвоение, повтор) признается грамматическим приемом или способом передачи определенных значений. В числе общих моментов отметим, что многими выделяется два типа удвоений (полный / неполный, либо тождественный / нетождественный), при рассмотрении которых дается анализ фонетических изменений. Некоторыми учеными отмечается, что удвоение характерно для всех частей речи. Недостаточно раскрываются функционально-семантические особенности редулициаций в монгольских языках. Не все исследователи уделяют внимание повторам в звукоподражательных и звукоизобразительных словах.

Б. Ринчен в работе «Монгол хэлний зүйн бичиг» в подразделе «Давтах ёс» («Повтор») раздела «Утга чангаруулахын зүй» («Способы усиления значения») рассматривает так называемый полный повтор (*yaĵar yaĵar-un kümün* ‘люди из разных местностей’, *nige nige-ber ĉubaraju* ‘следовать один за другим’, *eriyen eriyen mayiqan* ‘пестрые шатры’), повтор первого слога с наращением согласного звука (*ĉab ĉayan* ‘очень белый’, *ĉib ĉimege* ‘совершенно отчетливо, ясно’, *tob todū* ‘совершенно отчетливо, ясно’, *bad balai* ‘совсем мрачно’, *mor monduyar* ‘круглый-круглый’), глагольный повтор (*bodu boduysayar olba* ‘думал-думал и нашел’, *untaju untaju bosba* ‘говорили-говорили и нашли причину’, *yauiysayar yauiysayar uĉir-i olba* ‘долго спал и встал, выспался’, *qaran qaran mišiyebe* ‘посматривал-посматривал и улыбнулся’, *biĉiged biĉiged baraysan ügei* ‘писал-писал и еще не завершил’) и повтор в изобразительных словах (*salki ser ser salkilaba* ‘подул легкий ветерок’, *ngri nir nir duuyarba* ‘небо загрохотало’, *boru šibaŷu jir jir jirgebe* ‘серая пташка чирикала’). По его мнению, повтор — это синтаксический способ, результатом которого является парное слово. Данный способ применяется для выражения усиления значений в самом широком спектре (количество (множественность), качество, цвет (интенсивность), состояние и продолжительность действия). Интерес вызывает тот факт, что автор вступает в полемику с другими монголоведами по поводу повтора первого слога, ставя под сомнение сам повтор. В результате анализа он предлагает рассматривать такие примеры, как *ĉab ĉayan* ‘белый-пребелый, совершенно белый’, *ir irjaŷar* ‘очень оскаленный’ как парные слова, компоненты которых являются однокоренными словами с разными суффиксами (в его формулировке выглядит следующим образом: (корень + суффикс) + (тот же корень + другой суффикс) = парное слово, усиливающее значение), и потому похожие по форме на слова-повторы [Ринчен 2015: 380–383].

Венгерский монголовед Л. Бэшэ делает попытку строго отграничить удвоения и парные слова. Ученый в статье [Bese 1957] под термином «слова-близнецы» (Zwillingswörtern) рассматривает слова, относимые многими другими исследователями к повторам, такие, как *гэр мэр* ‘дом и все, что при нем находится’, *тос мос* ‘масло и прочее, всякие там жиры’, *хонь монь* ‘овцы’, *адуу мадуу* ‘лошади’, *анда манда* ‘сваты’, *халзан малзан* ‘лысый’, *мал сал* ‘скот’, *бага сага* ‘немного’, *борсо сорсо* ‘куски мяса’, *бэлэг сэлэг* ‘подарки’, *унин тунин* ‘дым’, *бэшэг ташаг* ‘письма, записки’, *арай шарай* ‘едва-едва’, *орьёл торьёл* ‘высокий’, *цүл цэл* ‘бульканье’, *заа зуу* ‘немножечко’, *буу шуу* ‘ружье’, *хууша хаашан* ‘старый’ и др. Теоретическим основанием и эмпирической базой для его анализа послужили труды Г. И. Рамstedта, Б. Х. Тодаевой, Г. Д. Санжеева, А. Р. Ринчинэ, А. Мостэра, К. М. Черемисова. Л. Бэшэ считает, что с морфологической точки зрения производный компонент в такого рода словах представляет собой повтор, вариант соответствующего основного слова с фонетическим отличием. Морфологическая зависимость производного слова от основы выражается в строгой последовательности компонентов: основное слово всегда предшествует производному компоненту. В таком слове производный компонент выражает значение ‘и так далее’, ‘и тому подобное’, ‘или что-то в этом роде’ [Bese 1957: 204–205].

Критический анализ этой статьи был дан исследователями У.-Ж. Ш. Дондуковым и Н. Г. Данчиновой. Они перевели термин «слова-близнецы» как ‘парные слова’, а категорию слов, принятую называть в отечественном монго-

ловедении парными словами и представленную Л. Бэшэ как ‘сложные слова’ (*Zusammensetzung*), перевели как сочинительно-сложные слова. Авторы статьи вкратце представили суть полемики ученого с Г. Д. Санжеевым, К. М. Черемисовым, Б. Х. Тодаевой, который считал, что слова типа *аха дүү* ‘братья’, *эхэ эцэг* ‘родители’ являются сочинительно-сложными, а *пироо мироо* ‘перо и пр.’ — парными словами, это два различных способа словообразования. Основное их различие состоит в том, что оба компонента сочинительно-сложного слова являются самостоятельными словами, тогда как у парных слов самостоятельным является только один, основной компонент, а второй, производный компонент, имеет только модифицирующее значение [Bese 1957: 207–209; Дондуков, Данчинова 1968: 29–30]. По мнению Л. Бэшэ, «слова-близнецы» составляют промежуточную категорию между простыми и сложными (точнее, сочинительно-сложными) словами [Bese 1957: 209].

В другой же своей статье [Bese 1960] он рассматривает особый вид редупликации: *аб адали* ‘очень похожий’, *шив шинэ* ‘совершенно новый’, *цав цагаан* ‘белый-пребелый’, *хаб хара* ‘совсем черный, угольно-черный’, *бад балай* ‘темный, ничего не видно’, *мад малаан* ‘полностью лысый’, *ара арбагар* ‘сильно лохматый’, *шодо шодогор* ‘очень худой, тощий’, *гүн гүнзгий* ‘очень глубокий’, *дала далбагар* ‘широкополый’, *чив чимээгүй* ‘очень тихо’, *гэб гэнтэ* ‘совершенно неожиданно’, *ав адилхан* ‘полностью похожий’ и др. Он приходит к выводу, что в монгольских языках редуплицированный слог в виде частичной редупликации представляет собой не что иное, как разновидность интенсивного суффикса, и принадлежит к группе модификационных элементов словаря, т. е. к языковым средствам, к которым мы относим и производный элемент слов-близнецов [Bese 1960: 49].

Среди перечисленных трудов особого внимания заслуживают работы А. А. Дарбеевой. Последовательное изложение специфики двух разных языковых явлений она представила в двух своих статьях — «К вопросу о парных словах в бурятском языке» [Дарбеева 1963] и «Повторы и удвоения в бурятском языке» [Дарбеева 1969]. В первой работе она всего лишь отметила, что «об удвоении гораздо меньше сказано, чем о парных словах» [Дарбеева 1963: 17]. Во второй статье предметом исследования стала в целом «проблема повторов», и потому в исследовании автор отвела больше внимания теоретическим аспектам удвоенных форм, нежели представила эмпирический материал. Исследователь ставит целый ряд теоретических вопросов: история вопроса и степень изученности в монгольских языках, дифференциация терминов «удвоение» и «повтор» с характеристикой специфических черт каждого из них, отличие удвоений от сочетаний однокоренных слов, удвоение как грамматический прием в бурятском языке, обоснование структурно-морфемного принципа классификации, выделение двух основных типов удвоений (полный ~ неполный / частичный) и определение функций, продуктивность *м*-редупликации и постановка вопроса о происхождении этого типа удвоения, констатация функционирования удвоенных форм в разговорной речи и художественной литературе и отсутствие их в лексикографических изданиях. Несмотря на небольшой объем статьи, все эти тезисы и некоторые постановочные вопросы демонстрируют глубину проработки темы и размышлений исследователя. На наш взгляд, выдвинутые А. А. Дарбеевой положения остаются актуальными по настоящее время и являются перспектом

для дальнейшего изучения редупликации на современном этапе научного знания.

Учеными отмечалось, что редупликация встречается во всех частях речи, однако в монгольском языкознании имеется исследование, посвященное отдельной части речи. З. В. Шевернина в своей также небольшой по объему статье сделала анализ редуplikаций деепричастных форм в монгольском языке [Шевернина 1974]. Редупликация, удвоение, повтор в ее работе являются синонимами. Она рассматривает редупликацию как грамматический способ передачи определенных значений и выделяет среди глагольных форм два типа повтора (тождественный ~ нетождественный).

П. Бямбасан разделяет повтор и парные слова, определяет некоторые формально-структурные особенности повтора [Бямбасан 1978: 88]. Он считал, что как бы ни повторяли одно слово, являющееся лексической единицей, это соединение не образует другого слова. *«При добавлении воды к воде нет ничего, кроме увеличения объема, подобно тому, что из этого [соединения] масло не получается, и это диалектический закон вселенной»* [Бямбасан 1978: 92]. Автор полагал, что повтор не является словообразовательным средством, это грамматический прием, и повтор деепричастий — это способ выражения состояния действия, а не образования глагола [Бямбасан 1978: 94]. Хотя повторы и существуют, тем не менее они отсутствуют в словарях монгольского языка, поскольку не существуют объекты и явления, выраженные повтором [Бямбасан 1978: 92].

Б. Пүрэв-Очир больше связывает повтор не с корнем, а с формой слова и считает, что повтор отличается от парных слов значением, функцией, типом. Он отмечает, что в монгольском языкознании это одна из интересных тем и многосторонний вопрос, это *«значимое явление языка и речи»* [Пүрэв-Очир 1998: 90]. Такой способ усиления значения, как *цав цагаан* ‘белый-пребелый’, *цэв цэнхэр* ‘совершенно голубой’, *хөв хөх* ‘синий-синий’, *ув улаан* ‘очень красный’, *нов ногоон* ‘совсем зеленый’, *ив ижил* ‘совершенно одинаковый’, *ав адил* ‘точь в точь, как две капли воды’, *зав залуу* ‘совсем молоденький’ и т. д., исследователь определяет как микроповтор корня [Пүрэв-Очир 1998: 91].

Ц. Унурбаян выделил в современном монгольском языке полный и неполный повтор, проанализировал повторы по всем частям речи и выявил их функции. Он отмечает, что роль неполного повтора в словообразовании является доминирующей. Существует закономерная последовательность, в которой сложные слова образуются от полного повтора через неполный повтор [Өнөрбаян 2006].

Ч. Баттулга согласен с мнением ученых, которые *«рассматривали повторно-парные сложные слова как один из видов особого повтора»* [Баттулга 2012: 71], а в выводах пишет о том, что *«слова-эхо и повторно-парные сложные слова в монгольском языке — это самое древнее явление в монгольском языке, которое произошло от парных слов, отличается по способу образования, имеет черты фонологии и морфемии, что это один из видов повтора, который встречается во многих языках мира»*. Исследователь предложил следующее деление повторов и слов-эхо в монгольском языке: *«1) оба слова имеют значение; 2) первое слово имеет значение; 3) оба слова без значения, но вместе выражают общее значение»* [Баттулга 2012: 74].

Значительными трудами современности по исследуемой теме являются работы монгольского ученого Ж. Бат-Ирээдуй «Монгол хэлний хоршоо болон

давтмал үг хэллэгийн сан» («Словарь парных и удвоенных слов и выражений в монгольском языке») [Бат-Ирээдүй 2009], «Монгол хэлний давтах ёсны бүтэц хэлбэр, утга, найруулга судлалын асуудалд» («К проблеме исследования структуры, значения и композиции повторов в монгольском языке») [Бат-Ирээдүй 2013a] и «Монгол хэлний давтмал үг, хэллэгийн сан» («Словарь удвоенных слов и выражений в монгольском языке») [Бат-Ирээдүй 2013b]. Составитель словаря обосновывает собственный взгляд на природу повтора через призму теоретических обобщений по данному вопросу, в основном, монгольских ученых. Придерживаясь термина *давтах ёс*, в свой анализ исследователь включил расширенный круг понятия «повтор – повтор основы, слова, фразы, предложения». Он отмечает, что семантика различных явлений природы (звуки, движения, действия), содержащих в себе характер повторяемости, может реализоваться в языке путем повтора этого слова два или более раз. В своих трудах Ж. Бат-Ирээдүй решает вопрос, является ли повтор в монгольском языке самостоятельным явлением или нет, и поскольку парные слова больше всего путают с повтором, он пытается разграничить эти два языковых явления [Бат-Ирээдүй 2013a: 90–92].

Ученый считает, что парные слова и повторы — это два разных вопроса: парность или парный принцип — это когда элементы по формально-структурному признаку различаются, а по семантическому признаку они близки либо антонимичны; повтор или принцип повтора — это когда элементы по формально-структурному признаку тождественны или почти тождественны. Повтор в монгольском языке является самостоятельным языковым явлением, рассматривается как грамматическое, а не лексическое явление, потому что при помощи повтора не образуется новое слово, а возникает новое, совершенно иное грамматическое значение [Бат-Ирээдүй 2013a: 93]. Соглашаясь с Ц. Унурбаяном [Өнөрбаян 2006] по поводу деления повторов в монгольском языке на полный (full reduplication) и неполный (partial reduplication) повторы, ученый принимает такой тип повтора, как *гөрөөс мөрөөс* ‘антилопа и прочее зверье’, *эрээн мэргээн* ‘пестроцветные, пегие’, *цаана маана* ‘где-то там подальше’, *тийм мийм* ‘такой же, подобный’, *усалж мусалж* ‘поливал и делал что-то подобное’, *жанжин манжин* ‘генерал и другие военачальники’, *цол мол* ‘титул и другие звания’, который определенно является одной из очевидных форм повтора в монгольском языке, однако в отличие от Ц. Унурбаяна определяет его как полный повтор [Бат-Ирээдүй 2013a: 91–92].

При анализе структуры слов-повторов монгольского языка Ж. Бат-Ирээдүй определяет, что главным признаком выступает тот факт, что оба компонента обязательно должны быть одинаковыми или иметь один корень или основу. Выдвинутое им это положение позволило ему не согласиться с Ц. Унурбаяном и по поводу неполного повтора с добавлением согласного «в» к первому слогу прилагательного (*бөв бөөрөнхий* ‘круглый-прекруглый’, *нов ногоон* ‘зеленый-зеленый’, *бов бор* ‘совершенно серый’, *був буурал* ‘седой-преседой’, *хув хүрэн* ‘совсем коричневый’, *шив шинэ* ‘очень новый’, *хав хар* ‘очень черный’, *дув дугуй* ‘совершенно круглый’, *хув хуурай* ‘сухой-сухой’, *цав цагаан* ‘белейший’, *дув дуугай* ‘очень тихий, молчаливый’, *цэв цэнхэр* ‘абсолютно голубой’ и т. д.). Данный тип повтора монгольский исследователь не рассматривает как повтор. «Как бы ни сохранял корень данного слова, он не является чем-либо еще, кроме как способом интенсивности, усиления значения» [Бат-Ирээдүй 2013a: 94].

4. Заключение

Основанием для совместного рассмотрения удвоенных форм при описании парных слов является внешнее формальное сходство, выраженное не только структурно, но и рифмой в силу фонетической и просодической закономерности. Анализ общих либо характерных особенностей парных и удвоенных слов обусловил подходы исследователей, в зависимости от которых одни и те же примеры могут рассматриваться как парные слова либо как редупликация. Отсутствие ясных и однозначных критериев не позволило упорядочить их относительно друг друга, поэтому к настоящему моменту в монгольском языкознании существуют следующие основные точки зрения: 1) повторы (удвоения, редупликация) относятся к парным словам; 2) повтор — это способ образования парных слов; 3) парные и редулицированные слова — это разные языковые явления.

При анализе их структурного разнообразия возникает тот самый дискуссионный момент в случаях, когда: 1) один из компонентов в словоформе является созвучным и неидентичным вариантом другого, т. е. фонетически видоизмененным вариантом знаменательного компонента (с самостоятельным значением или без): *арза барза* ‘молочная водка и что-нибудь вроде нее’, *бэлэг сэлэг* ‘подарок и что-нибудь вроде него’, *бага сага* ‘понемного, помаленьку’, *дарга марга* ‘некий командир’, *бэиэг ташаг* ‘грамота и прочее’, *сай май* ‘чай и что-нибудь такое’, *үбдэл сүбдэл* ‘остатки, крошки’, *эди шэди* ‘способность творить чудеса, магическая сила’, *буу шуу* ‘ружье, оружие’, *уурал хаарал* ‘пар, пелена’, *уруу дуруу* ‘понурий, унылый’, *элбэг дэлбэг* ‘изобильный, щедрый’; 2) оба компонента словоформы являются формализованными и ни один из них не имеет какого-либо значения: *ан бун* ‘в спокойствии’, *бүүр түүр* ‘смутно, неясно; еле-еле, чуть-чуть’, *гунхар ганхар* ‘о покачивающейся походке (с поникшей головой)’, *халяа баляа* ‘кое-как, небрежно’, *хархи хорхи* ‘невзрачный, неприглядный’. Это редулицированное слово с дивергенцией или рифмованное парное слово, которое выглядит как ложный редуликат с дивергенцией? Предлагался к таким словам термин «повторно-парные сложные слова» как одному из видов особого повтора [Баттулга 2012: 71]. Нами также обозначалась проблематичность ситуации и предлагались возможные пути решения спорного статуса [Чимитдоржиева 2024: 14].

Следующая группа исследований показывает специфику и характерные признаки парных слов современного монгольского языка с целью отграничения их от повторов. Их авторы признают, что существующие характеристики и классификации парных слов нередко противоречивы, и доказывают, что эти группы слов отличаются и необходимо их рассматривать как отдельные языковые явления. Поскольку формально-структурный критерий не объясняет различий (*ана мана* ‘одинаково, так же; равно; равномерно’ и *элбэг дэлбэг* ‘изобильный, обильный; в изобилии, вдоволь’) — в монгольских языках подобные слова не имеют четких внешних признаков, то для их дифференциации авторы этих работ считают, что необходимо опираться на внутренний семантический признак, и предлагают функционально-семантический подход, чтобы отличить парные слова от сходных явлений (повторов, однородных членов, сочетаний слов). Исследователями дается заключение о том, что парные слова и повтор выражают разные значения: для повтора характерно выражение грамматического значения, а особенностью парных слов является выражение лексического

значения слова. В отличие от повтора в парных словах, образованных как будто повтором, сочетаются форма и семантика двух самостоятельных слов языка. Повтор в монгольском языке является самостоятельным языковым явлением и выражает грамматическое значение, при помощи повтора не образуется новое слово — как бы ни повторяли одно слово, являющееся лексической единицей, это соединение не образует другого слова. Редупликация же как повтор одного и того же слова (или основы) является одной из наиболее распространенных моделей отражения количественных характеристик и усиления значений, с помощью которой формируется значение множественности, усиления качества, интенсивности, продолжительности действия и др. Помимо этого, монголоведами отмечается, что образные слова активно бытуют в живом разговорном языке в виде повторов, удвоений, которые в большинстве случаев при вводе в речь употребляются в сопровождении служебного глагола *гэхэ* ‘говорить, произносить’.

Солидарность с этими заключениями обнаруживается и в работах, где объектом исследования стала редупликация (удвоение, повтор). Исследователи также признают, что парные и редуплицированные слова — это разные языковые явления, и поскольку парные слова больше всего путают с повтором, необходимо их отграничить. В этих работах отмечается, что удвоение характерно для всех частей речи, в основном выделяются два типа удвоений (полный / неполный, либо тождественный / нетождественный). Помимо некоторых общих моментов, в научной дискуссии относительно этих групп слов отсутствует единство во взглядах по следующим вопросам: одни рассматривают редупликацию как способ словообразования, другие же считают, что редупликация — это не словообразовательное средство, а грамматический прием или способ передачи определенных значений. Неоднозначно мнение по поводу повтора первого слога с наращением согласного звука в прилагательных (*ᠴаб ᠴауан* ‘белый-белый’, *tob todū* ‘совершенно отчетливо, ясно’, *bad balai* ‘совсем мрачно’, *хаб хара* ‘абсолютно черный’, *ив ижил* ‘совершенно одинаковый’, *ав адил* ‘очень похожий, точь в точь’, *зав залуу* ‘молодой-молодой’, *шив шинэ* ‘совсем новый’): парные слова (Б. Ринчен), частичное удвоение (Л. Бэшэ), микроповтор корня (Б. Пурэв-Очир), способ усиления значения (Ж. Бат-Ирээдуй). Обращается внимание в первую очередь на формально-структурные особенности, недостаточно раскрываются функционально-семантические особенности редупликаций в монгольских языках. Не все исследователи уделяют внимание повторам в звукоподражательных и звукоизобразительных словах. Достаточно интересным является предположение об эволюции образования парных слов от полных повторов через их модификацию в виде неточных повторов (Л. Бэшэ, Ц. Унурбаян, Г. А. Дырхеева и др.). Эта гипотеза может стать диахроническим объяснением указанных языковых явлений и вполне может быть развита с вышеупомянутыми идеями Т. А. Бертагаева о повторе или перечислении схожих предметов или предметов одного вида как проявлении более первичной категории мышления.

Литература

Алиева 1980 — Алиева Н. Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках

References

Alieva N. F. Repeated Words and their Problems in the Languages of South East Asia

- Юго-Восточной Азии (Вместо предисловия) // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов. М.: Наука, 1980. С. 3–22.
- Бертагаев 1941 — *Бертагаев Т. А.* Аморфное сочетание имен (на материалах бурят-монгольского, монгольского и русского языков) // Отдельный оттиск из «Записок ГИЯЛИ». Улан-Удэ: Бурят-Монгольский гос. НИИ языка, литературы и истории, 1941. III–IV. С. 13–34.
- Бертагаев 1961 — *Бертагаев Т. А.* О морфологическом строе бурятского языка. М.: АН СССР, 1961. 31 с.
- Бертагаев 1969 — *Бертагаев Т. А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. О фузии, символизации, аналитизме, внутренней флексии, сингармонизме и многозначности аффиксов. М.: Наука, 1969. 183 с.
- Бертагаев 1971 — *Бертагаев Т. А.* Сочетания слов и современная терминология (на материале монгольского и литературного бурятского языков). М.: Наука, 1971. 152 с.
- Биткеева, Биткеев 1985 — *Биткеева Г. С., Биткеев П. Ц.* Парные слова в монгольских языках // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 3–15.
- Дарбеева 1963 — *Дарбеева А. А.* К вопросу о парных словах в бурятском языке // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ: АН СССР, Бурятский комплексный НИИ, 1963. С. 15–27.
- Дарбеева 1969 — *Дарбеева А. А.* Повторы и удвоения в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 6. Серия языковедческая. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. С. 91–99.
- Дондуков 1963 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* Парное словообразование имен существительных в бурятском языке // (instead of a preface). In: Languages of Southeast Asia: Problems of Repetition. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 3–22. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. An Amorphous Combination of Names (based on the materials of the Buryat-Mongolian, Mongolian and Russian Languages). Separate Reprint from the “Notes of the State Research Institute of Language, Literature and History”. Ulan-Ude: 1941. No. 3-4. Pp. 13–34. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. On the Morphological Structure of the Buryat Language. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1961. 31 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Morphological Structure of the Word in Mongolian Languages. On Fusion, Symbolization, Analyticity, Internal Flection, Synharmonism and Polysemy of Affixes. Moscow: Nauka, 1969. 183 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Word Combinations and Modern Terminology (based on the Mongolian and Literary Buryat Languages). Moscow: Nauka, 1971. 152 p. (In Russ.)
- Bitkeeva G. S., Bitkeev P. Ts. Paired Words in Mongolian Languages. In: Research on the Grammar and Vocabulary of Mongolian Languages. Elista, 1985. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Darbeeveva A. A. On the Issue of Paired Words in the Buryat Language. In: Issues of the Literary Buryat Language. Ulan-Ude: Academy of Sciences of the USSR, Buryat Complex Reseach Institute, 1963. Pp. 15–27. (In Russ.)
- Darbeeveva A. A. Repetitions and Doublings in the Buryat Language. Towards the Study of the Buryat Language. In: Works of the Buryat Institute of Social Sciences. No. 6. Linguistic Series. Ulan-Ude: Buryatya Book Publ., 1969. Pp. 91–99. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Paired Word Formation of Nouns in the Buryat Language. In: Issues of the Literary Buryat Language.

- Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ: АН СССР, Бурятский комплексный НИИ, 1963. С. 29–45.
- Дондуков 1964 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.
- Дондуков, Данчинова 1968 — *Дондуков У.-Ж. Ш., Данчинова Н. Г.* К вопросу о парных словах в монгольских языках // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 27–37.
- Дырхеева и др. 2014 — *Дырхеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А.* Парные слова и парное словообразование в бурятском языке. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 208 с.
- Кузьменков 1989 — *Кузьменков Е. А.* Выражение категории числа у лексико-грамматических единиц монгольских языков // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1989. С. 63–75.
- Норжинлхам 1999 — *Норжинлхам С.* Лексико-грамматические особенности парных слов современных монгольских языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 24 с.
- Омакаева, Бадгаев 1990 — *Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б.* Парные слова и повторы в современном монгольском языке // Исследования по синтаксису монгольских языков. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. С. 163–171.
- Орловская 1961 — *Орловская М. Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М.: Вост. лит., 1961. 114 с.
- Орловская 1974 — *Орловская М. Н.* Способы образования производных наречий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. К 75-летию проф. Г.Д. Санжеева. М.: Наука, 1974. С. 185–206.
- Рассадин 2008 — *Рассадин В. И.* Очерки по морфологии и словообразованию Улан-Уде: Buryat Complex Research Institute, 1963. Pp. 29–45. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Derivation of Parts of Speech through Affixation in the Buryat Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1964. 246 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh., Danchinova N. G. On the Issue of Paired Words in Mongolian Languages. In: On Issue of Foreign Mongolian Studies on Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Pp. 27–37. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A., Kharanutova D. Sh., Bardamova E. A. Paired Words and Paired Word Formation in the Buryat Language. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 208 p. (In Russ.)
- Kuzmenkov E. A. Expression of the Category of Number in Lexical and Grammatical Units of Mongolian Languages. In: Lexical and Grammatical Studies of the Buryat Language. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB AS USSR), 1989. Pp. 63–75. (In Russ.)
- Norzhinlkhаm S. Lexical and Grammatical Features of Paired Words in Modern Mongolian Languages. Cand. Sc. (Philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 1999. 24 p. (In Russ.)
- Omakaeva E. U., Badgaev N. B. Paired Words and Repetitions in the Modern Mongolian Language. In: Research on the Syntax of Mongolian Languages. Ulan-Ude, 1990. Pp. 163–171. (In Russ.)
- Orlovskaya M. N. Nouns and Adjectives in the Modern Mongolian Language. Moscow: Vostochnaya literatura, 1961. 114 p. (In Russ.)
- Orlovskaya M. N. Methods of Formation of Derivative Adverbs in the Mongolian Language. In: Research in Oriental Philology. On the 75th Anniversary of Prof. G. D. Sanjeev. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 185–206. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Essays on the Morphology and Word Formation of Mongolian

- монгольских языков. Элиста: КалмГУ, 2008. 234 с.
- Рожанский 2011 — *Рожанский Ф. И.* Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
- Санжеев 1940 — *Санжеев Г. Д.* Грамматические приемы в монгольских языках // Труды Института востоковедения. № 2. М.: АН СССР, 1940. С. 198–221.
- Трофимова 2001 — *Трофимова С. М.* Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2001. 336 с.
- Харанутова и др. 2012 — *Харанутова Д. Ш., Сусеева Д. А., Онорбаян Ц.* Монгольское словообразование: структура и способы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 261 с.
- Цыдендамбаев 1958 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изобразительные слова в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимирцова. М.: Вост. лит., 1958. С. 136–151.
- Шагдаров 1962 — *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 149 с.
- Шагдаров 2013 — *Шагдаров Л. Д.* Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.
- Шевернина 1974 — *Шевернина З. В.* Редупликация деепричастий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. К 75-летию проф. Г. Д. Санжеева. М.: Наука. 1974. С. 332–339.
- Чимитдоржиева 2024 — *Чимитдоржиева Г. Н.* Образы движения в редупликациях бурятского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2(50). С. 9–19.
- Bese 1957 — *Bese L.* Zwillingswörter im Mongolischen // Acta Orientalia. Hung. T. VII. Budapest, 1957. Fasc. 2–3. Pp. 199–211.
- Languages. Elista: Kalmyk University, 2008. 234 p. (In Russ.)
- Rozhanskiy F. I. Reduplication: Typological Study Experience. Moscow: Znak, 2011. 256 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Grammatical Methods in Mongolian Languages. In: Proceedings of the Institute for Oriental Studies. No. 2. Moscow, 1940. Pp. 198–221. (In Russ.)
- Trofimova S. M. Nominal Parts of Speech in Mongolian Languages. Ulan-Ude: Buryat State University, 2001. 336 p. (In Russ.)
- Kharanutova D. Sh., Suseeva D. A., Onorbayan Ts. Mongolian Word Formation: Structure and Methods. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 261 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Figurative Words in the Buryat Language. In: Philology and History of the Mongolian Peoples. In Memory of B. Ya. Vladimirtsov. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958. Pp. 36–151. (In Russ.)
- Shagdarov L. D. Figurative Words in the Modern Buryat Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 149 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D. Problems of the New Academic Grammar of the Buryat Language (noun, adjective, adverb, postpositions, modal words, words of the category of state, figurative words). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2013. 192 p. (In Russ.)
- Shevernina Z. V. Reduplication of Converbs in the Buryat Language. In: Research in Oriental Philology. On the 75th Anniversary of Prof. G. D. Sanjeev. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 332–339. (In Russ.)
- Chimtdorzhiyeva G. N. Images of Movement in Reduplicates of the Buryat Languages. In: Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 2 (50). Pp. 9–19. (In Russ.)
- Bese L. Zwillingswörter im Mongolischen. Acta Orientalia. Hung. Vol. 7. Budapest, 1957. No. 2–3. Pp. 199–211. (In Germ.)

- Bese 1960 — *Bese L.* Einige Bemerkungen zur partikulären Reduplikation in Mongolischen // *Acta Orientalia*. Hung. T. XI. Fasc. 1–3. 1960. Pp. 43–49.
- Базаррагчаа 1990 — *Базаррагчаа М.* Монгол хэлний хоршоо үгийг хэрэглэх тухайд. Улаанбаатар: Багш нарын мэргэжил дээшлүүлэх институт, 1990. 135 с.
- Бат-Ирээдүй 2009 — *Бат-Ирээдүй Ж.* Монгол хэлний хоршоо болон давтамал үг хэллэгийн сан. Улаанбаатар: Мон-Эдюкэшн Пресс Паблшинг, 2009.
- Бат-Ирээдүй 2013a — *Бат-Ирээдүй Ж.* Монгол хэлний давтах ёсны бүтэц хэлбэр, утга, найруулга судлалын асуудалд // *Acta Mongolica*. 2013. Vol. 14(400). С. 90–101.
- Бат-Ирээдүй 2013б — *Бат-Ирээдүй Ж.* Монгол хэлний давтамал үг, хэллэгийн сан. Улаанбаатар: МУИС, 2013. 280 х.
- Баттулга 2012 — *Баттулга Ч.* Монгол хэлний хоршоо үгийг үүсэл гарлын асуудалд // Монгол судлалын чуулган. 2012. № 12(47). С. 74–99.
- Бямбасан 1978 — *Бямбасан П.* Үг давтахын нэгэн учир // Хэл зохиол судлал. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1978. Боть 13. 11-р дэвтэр. С. 87–97.
- Өнөрбаян 2006 — *Өнөрбаян Ц.* Орчин цагийн монгол хэлний давталтын арга, түүний үүрэг // Монгол судлалын чуулган. 2006. Боть 6. С. 12–22.
- Пүрэв-Очир 1998 — *Пүрэв-Очир Б.* Монгол хэлэн дэх зарим давталтын онцлог, утга, найруулгын үүрэг // Монгол хэлний өгүүлбэрзүй-2. Улаанбаатар: «Бемби Сан» хэвлэлийн газар, 1998. С. 89–110.
- Ринчен 2015 — *Ринчен Б.* Раздел: Давтах ёс // Монгол хэлний зүйн бичиг. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. С. 377–389.
- Bese L. Einige Bemerkungen zur Partikulären Reduplikation in Mongolischen. *Acta Orientalia. Hungarian Academy of Sciences* Vol. 11. No. 1–3. 1960. Pp. 43–49. (In Germ.)
- Bazarragchaa M. On Issue of Using of Paired Words in the Mongolian Language. Ulaanbaatar: Institute for the Pedagogical Professional Development, 1990. 135 p. (In Mong.)
- Bat-Ireedui J. Collection of Paired and Doubled Words of the Mongolian Language. Ulaanbaatar, Mon-Education Press Publishing, 2009. (In Mong.)
- Bat-Ireedui J. On the Form Structure, Meaning, and Composition of Reduplication in the Mongolian Language. *Acta Mongolica*. 2013a. Vol. 14 (400). Pp. 90–101. (In Mong.)
- Bat-Ireedui J. A Dictionary of Mongolian Reduplicated Words and Phrases. Ulaanbaatar: Press Publishing House of the National University of Mongolia, 2013. 280 p. (In Mong.)
- Battulga Ch. On the Origin of Paired Words in the Mongolian Language. *Forum of Mongolian Studies*. 2012. No. 12 (47). Pp. 74–99 (In Mong.)
- Byambasan P. One Reason for Repeating Words. *Linguistics*. Ulaanbaatar: Academy of Sciences, 1978. Vol. 13. Book 11. Pp. 87–97. (In Mong.)
- Önörbayan Ts. Methods and Role of Reduplication in the Modern Mongolian Language. *Forum of Mongolian Studies*. 2006. Vol. 6. Pp. 12–22. (In Mong.)
- Pürev-Ochir B. The Characteristics, Meaning and Compositional Role of Some Reiterations in Mongolian. *Syntax of the Mongolian language-2*. Ulaanbaatar: Bembi San, 1998. Pp. 89–110. (In Mong.)
- Rinchen B. Reduplication. *Grammar of the Mongolian Language*. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2015. Pp. 377–389. (In Mong.)